

КОЧЕВАЯ ИМПЕРИЯ КАК ФЕНОМЕН ЕВРАЗИЙСКОЙ ИСТОРИИ

В статье речь идет о кочевых империях, которые сыграли заметную роль в политической и этнической истории Евразии. Кочевая империя трактуется как евразийский исторический феномен. Показывается близость конструкции, функций и судьбы кочевой империи и классических империй, существовавших в зоне проживания оседлых народов. На этом примере доказывается многовариантность развития человечества.

Ключевые слова: империя, кочевая империя, рабство.

В любой цивилизации можно выделить две зоны – геополитическое «ядро» и этнокультурную периферию. Под «ядром» в данном случае есть смысл подразумевать регион, характеризующийся относительной этнической, государственной, политической, экономической и культурной гомогенностью и стабильностью, под «периферией» – располагающиеся вокруг этносы и субэтносы, развитие которых связано с близкими, но и несколько иными характеристиками (более низкий уровень или лежащая в основе иная экономика) и не отличается необходимой устойчивостью и однородностью. Империи и являются особым вариантом цивилизационного геополитического «ядра» [Пиков, 2000].

Задача любой империи, и кочевники не исключение, – не завоевания, а максимально упорядоченное структурирование определенного пространства, для которого характерна пестрота и иерархия различных экономик (кочевой в разной степени развитости у монголо- и тюркоязычных племен и оседлой у различных подчиненных народов), языков, культур. Шло это в виде разрушения локальных социально-экономических и политических организмов и медленного складывания региональной системы [Пиков, 2002а. С. 194–195]. Функции империи, в том числе кочевой, помимо этого: организация регулярности общерегиональных торговых и культурных связей, продукто- и товарооб-

мена, совместной обороны или экспансии, единой религиозно-культурной системы, способной противостоять вызову (вызовам) извне и изнутри, общего идеологического пространства, в итоге, объединение региона и упрочение этого территориального объединения, ибо империя – механизм организации пространства в борьбе с многочисленными врагами (внешними и внутренними), сохранения традиций, выработки универсального права и пр.

Самое яркое выражение модель «империя – варвары» нашла на «плечах» Евразии, в Европе и Китае, где в центре существовали империи («Средиземное море», «Срединное государство» в междуречье Хуанхэ и Янцзы) и на периферии – варвары. В этих центрах зарождается и оформляется цивилизационная парадигма, и из этих «островов» она идет до границ периферии. Естественно, что варвары вместе с мировой религией перенимают и идею империи.

Кочевая же империя – восточноазиатский феномен. Она не могла появиться в других районах Евразии. Нужно учитывать, что Европа с «чистыми» кочевниками имела дело только изредка (скифы в древнегреческой истории, гунны, монголы) и вблизи нее не было возможности вести классическое кочевое хозяйство. По этой причине «*translatio imperii romanorum*» («возрождение римской империи») происходило здесь после гибели Западной Римской империи

и было в той или иной мере воспроизведено классической модели, на Дальнем же Востоке «*translatio imperii sinicorum*» («возрождение китайской империи») проходило при «живой» китайской империи, на Западе внутри оседлого мира, а здесь – за его пределами. Вдобавок на территории кочевников была особая экономическая и этническая ситуация, где «классическая» империя просто не могла существовать.

На основной части Азии (от Гималаев до Средиземного моря) сложилась «кустовая» система халифата, когда различные культуры (сирийская, коптская, иранская, североафриканская и др.) располагались скорее «по горизонтали», чем «по вертикали» (ядро – периферия). Кочевники здесь представлены в основном тюрками, которые фактически находились на стадии формирования ранних военных государств в отличие от «арабов», у которых халифат представлял собой форму монархической теократии. Основной тенденцией здесь является не столько создание своих собственных государств в кочевой зоне, сколько проникновение в оседлые районы.

Кочевая империя как восточноазиатский феномен появляется на таком этапе развития кочевой цивилизации, когда она, впрочем, как и другие евразийские «миры», достигла предела своего внутреннего развития. Все земли были поделены, а рост населения принял характер демографического взрыва. Этот период займет (как в Восточной Азии, так и в Европе) около 300 лет. Начало II тыс. – апогей противостояния различных миров, в том числе и кочевников, и оседлых народов.

Зона обитания восточноазиатских кочевников фактически выделяется в глубокой древности как особая фронтальная территория взаимодействия и конвергенции восточноазиатской и кочевой цивилизаций. Об этом говорят многие китайские тексты. Достаточно сослаться на «Ляо ши» и «Цидань го чжи», которые в основу историософии помимо прочих кладут и географический фактор, утверждая, что «климатические и природные условия отделили юг от севера» [Е Лун-ли, 1979. С. 11]. В то же время эта территория по своим географическим характеристикам и образу жизни людей отделяется и от территории Восточной Сибири. Китайские исторические и географические тексты, начиная с глубокой древности, опи-

сывают ее как территорию «варваров» и подробно рассказывают об образовании различных химерических союзов, «инородческих» по происхождению и этническому составу, но стремящихся оспорить «срединное положение» Китая. Именно здесь создавались все классические кочевые империи.

В хозяйственно-экономическом отношении эта территория может быть отнесена к маргинальным районам, где возможны оба неразрывно связанных с историей кочевых обществ процесса – седентаризации и номадизации. В источниках говорится и о широком распространении земледелия, шелководства, виноградарства, различных ремесел, и особо важной роли скотоводства. С глубокой древности это была зона контактов различных цивилизационных потоков. В этом плане ее можно рассматривать как историко-культурный феномен, один из древнейших очагов цивилизации. Если в оседлых районах объединялись культуры, опиравшиеся на древние письменные традиции, то здесь происходило объединение бесписьменных культур, опиравшихся, прежде всего, на устные традиции.

Зона состояла из двух тесно связанных друг с другом территорий, занятых тюркскими и монгольскими племенами, – регион необычайно активного этнического смешения, поэтому-то проблемы происхождения восточноазиатских народов трудно решать до сих пор. Естественно, что он стал и «перекрестьем религий», т. е. зоной религиозного синкретизма, и этот информационно-культурный хаос был одним из наиболее важных факторов, затруднявших складывание здесь долговременной государственности.

Особую роль в оформлении зоны сыграли три великие империи – киданьская, чжурчжэньская и монгольская. Они, насколько это было возможным, нивелировали культурно-религиозные различия оседлых и кочевых народов, и поэтому название стало применяться уже к собственно Китаю.

Это было время складывания уникальной в истории Восточной Азии ситуации, когда рядом с древним, исконно китайским «миром», складывается новый. В этом районе сложилась аналогичная китайской модели «цивилизация – варварь», где в качестве культурного центра выступала именно новая киданьская империя. Она создала свой мир, став «коренным государством» («бень-

го») для своих соседей и заняла особое место в восточноазиатском метарегионе, ибо постепенно кидани начали строить свой мир как «тянься» («поднебесный»), занимающий срединное, т. е. универсальное, связующее положение в общей трехчастной схеме миропорядка – «сань цай» (Небо, Человек, Земля), и пытались играть роль «чжунго» («срединного государства») вместо Китая для остальных кочевых народов как четырехчастной периферии («сы и») и даже в идеале всей ойкумены.

Можно сказать, что начиная с киданей формируется «северный» вариант империи, что найдет воплощение в империях Ляо, Цзинь, Юань и Цин. В результате «историческими народами», т. е. народами, творящими историю, наравне с китайцами станут и северные народы (кидани, чжурчжэни, монголы, маньчжуры). И в итоге же можно говорить о том, что кочевые империи занимали определенное место в истории противостояния двух тенденций «мироустройства» – кочевой и оседлой. В период существования государств киданей, чжурчжэней и кара-китаев медленно шли интеграция различных племенных объединений и окончательное оформление зоны, что, по сути, стало первой стадией вычленения будущей «Монголии». К XIII в. в сознании современников и появилось представление о двух «Китаях» (подробнее см.: [Пиков, 2007а; 2007б]).

Кочевые империи Ляо, Си Ляо и Цзинь, объединяя контактную зону, стали своеобразным буфером между кочевыми и оседлыми народами. Не удивительно, что они проводили двойственную и «неискреннюю» политику, с точки зрения обеих сторон.

Стоит обратить внимание и на то, что расцвет кочевых и оседлых империй происходит в одно и то же время, а именно в X–XIII вв. (Священная Римская империя в Европе, Македонская династия в Византии, империя Маджапахит на Яве, Сунская империя в Китае, кочевые империи Ляо, Цзинь, Юань). Уже поэтому их роль в истории явно не меньше, чем классических империй в оседлой зоне.

Это было время, когда во всех цивилизациях достаточно четко оформляются геополитические «ядра», ибо остро начинает ощущаться нехватка земель и растет количество междоусобиц, усиливается милитаризация общества и «миры» активно ис-

пользуют внешнеполитическую экспансию с целью решения, прежде всего, этих внутренних проблем. Активизируется информационное давление цивилизаций друг на друга (интервенция исламской культуры в Европу, проникновение католиков в славянские земли, миссионерское движение, появление энциклопедических трудов о Востоке Г. Рубрука, П. Карпини, М. Поло, формирование кочевых государств с опорой на китайскую модель). Практика набегов, получения дани и «подарков», «прибивания щитов к воротам Царьграда» сменяется на планомерный захват земель (Крестовые походы, «натиск на восток», Реконкиста, завоевание Англии, экспансия киданей, чжурчжэней и монголов). Начинается, по сути, эра завоеваний-переселений. Это и есть время существования классических евразийских империй.

Период существования этих государств выделяется как особый и иногда именуется «предмонгольским» в широком смысле этого слова. Действительно, есть основание в подобном сгущении кросскультурных контактов увидеть, прежде всего, специфический этап развития евразийского сообщества народов в целом. Территория «цидань» начинает превращаться в «Монголию», и здесь формируется ряд ранних монгольско-тюркских государств. Именно тогда кидани стали рассматриваться как инициаторы последовательного захвата кочевниками Китая, проложившие дорогу чжурчжэням, монголам, а впоследствии и маньчжурам. Киданьскому обществу фактически окончательно присваивается статус милитаристского. В XX в. своеобразным итогом этого станет концепция «степных», «завоевательных» или «кочевых» империй, одной из которых, разумеется, будет считаться киданьская.

На рубеже тысячелетий, который все «миры» не случайно воспринимали как знаковую веху в своей собственной и всемирной истории, закончилось образование евразийских цивилизаций («миров») по широте и сложился окончательно так называемый «пояс цивилизаций» от Атлантики до Тихого океана. Оформились «миры», которые условно можно назвать «материнскими» (христианский, мусульманский, буддийский, конфуцианский), оформлялись они с помощью идеологической экспансии, путем распространения «истины». Но средневеко-

вые цивилизации – это комплексные конструкции, в рамках их зарождения и эволюции обязательно идут два процесса, – складывание не только общецивилизационной парадигмы на основе «мировой религии», но и оформление геополитической конструкции в форме «империи».

Когда эти земли были освоены и возможности аграрного варианта развития фактически исчерпаны, складывается ситуация всеобщего общественного кризиса, из которого все «миры» пытаются выйти прежде всего традиционными путями – внутренним переделом владений и усилением внешней экспансии, идущей под религиозными лозунгами.

Вместо присущей «материнским» цивилизациям дихотомии «запад – восток» начинает оформляться дихотомия «север – юг». Расширение за счет соседних «миров» было практически невозможно, что показали конфликты между этими территориями (Крестовые походы, «натиск на Восток», Реконкиста), и цивилизации идут в наступление на прежние «варварские» территории. Однако у «варваров» тоже фактически были исчерпаны прежние ресурсы развития, и они также нуждались в расширении своей зоны обитания. Ситуация перенаселения здесь обострялась в силу сохранения доцивилизационной комплексной экономики, где в комплексе сочетались различные отрасли хозяйства. Война являлась обязательной составляющей этого комплекса. Усиливают натиск на юг викинги, славяне, тюрки. Особенно сложное, по сути, критическое положение создалось в зоне кочевой цивилизации, контакты которой с оседлыми «мирами» минимизируются, ибо те все больше пользуются результатами торговых обменов друг с другом и технического развития.

В результате оформляется взаимодействие всех цивилизационных зон по меридиональному варианту. Китай оттеснен со своих западных территорий (Средняя и Центральная Азия), увяз в борьбе с потомками хунну и дунху и практически спрятался за Великую стену. Европейская восточная экспансия была остановлена еще в римские времена, когда продвижение империи было блокировано в Месопотамии, и на первый план выходят «галльские войны». Мощный прорыв был сделан первоначальным исламом в рамках Омейядского хали-

фата, но мусульманский «мир», объединенный Багдадским халифатом, вплотную столкнулся с тюркской экспансией.

Именно в этой зоне сформировались образ кочевника – разрушителя и представление об особом менталитете и неумном воинственном духе кочевников, их пассионарности. Впоследствии образ кочевника как разрушителя культурных ценностей, делающего акцент в своей культуре не на «общечеловеческих» ценностях, а почти исключительно на культе силы, использовался и во вполне корыстных целях.

Усиление милитаризации общества, на самом деле, происходит не только у кочевников, но и в оседлых «мирах». Это связано, прежде всего, с тем, что все «миры» (цивилизации) в первой половине второго тысячелетия встали перед необходимостью бифуркации как скачка в иное политическое, социальное, экономическое и культурное состояние. И этот скачок будет происходить, но кочевники не могли это сделать, ибо достигли естественного предела своей цивилизации.

Как любая империя, кочевая имеет свои исторические границы. Она начинает сходиться со сцены примерно в то же время, что и классические империи. Следовательно, здесь надо видеть не только региональные факторы, способствовавшие этому, но и причины, общие для всей Евразии.

Можно смело предполагать, что причины падения любой кочевой империи связаны со спецификой ее развития как имперского государства, а это значит, что надо видеть совокупность факторов.

Поскольку имперская система у кочевников есть непрерывный, сложный и противоречивый процесс трансформации родоплеменной системы, в ней самой изначально заложены возможность, опасность и даже неизбежность ее гибели. Это связано, во-первых, с тем, что входящие в империю отдельные районы получают небывалые доселе возможности роста и расцвета. Они исторически гораздо быстрее переходят на новый уровень развития, скажем, из племен становятся народностями, из народностей – народами. Им не надо тратить силы, людские ресурсы и средства на оборону, на развитие самодостаточной, а значит, и автаркизованной, замкнутой экономики. Во-вторых, процесс трансформации подразумевает ломку прежних этнических, политических,

социальных, экономических структур и определенное культурное «столпотворение». В итоге это означает, что империя становится уязвимой, колоссом на глиняных ногах, и достаточно случайного, не очень сильного толчка, чтобы она распалась.

Решающую роль сыграют внешние факторы. На эволюцию и длительность имперской традиции, прежде всего, повлияла геополитическая история Евразии. «Рубеж эр» не случайно практически во всей Евразии стал знаковой вехой. Уже в первом веке начинается так называемое Великое переселение народов (I–VII вв.), результатом которого станет окончательное складывание новой цивилизационной и этнополитической карты. Этот же процесс прервал фактически не только существование первой кочевой империи Хунну, но и дальнейшую тенденцию к образованию империй у кочевников. Империя Хунну возникла в восточной части будущей имперской зоны и объединяла в основном тюркоязычные племена. Обитавшие восточнее протомонгольские племена еще не вышли на уровень имперской организации. Центральная Азия в результате Переселения народов стала своего рода «проходным двором», и волны племен породили здесь лишь множественные кратковременные и региональные образования.

Сказался, видимо, и такой фактор, как хаотичное этнополитическое развитие Евразии в первые века нашей эры. В Европе наступили «темные века», когда усиливается натиск «варваров» на Римскую империю и возникают «варварские королевства». На Ближнем и Среднем Востоке положение начнет меняться лишь с возникновением Византийской империи и Сасанидского государства, которые, правда, будут находиться в достаточно жесткой конфронтации друг с другом вплоть до арабских завоеваний. В Восточной Азии после падения Ханьской империи начнется период Троецарствия (Саньго). Усилились брожения и в Кочевой степи, в которые активно вмешивался Китай. С кризисом раньше справились оседлые цивилизации.

Но еще важнее был евразийский фактор, когда оседлые цивилизации должны были выйти на иной уровень развития. Кочевой мир как цивилизация должен был исчезнуть, и спасти его было уже невозможно. XIII век вообще стал несчастливym для кочевников, которых «монгольский буран» разметал по

земле [Сулейменов, 1975. С. 165]. Кочевники начали отходить под натиском оседлых миров, а территории их обитания – превращаться в резервации. Кочевая цивилизация уже умерла, и бывшие кочевники находились на более высокой стадии привязанности к оседлым районам, да и самой новой империи в экономическом плане прежние кочевые территории нужны для поддержки земледелия, расселения излишков населения. Однако именно по поздним кочевникам исследователи часто судили об уровне развития кочевников средневековых. Это можно признать одной из методологических ошибок, хотя все еще практически господствующей не только в специальной литературе, но и в сознании людей.

В итоге можно выделить три стадии развития кочевой империи. На первой осуществлялась этнополитическая организация пространства – процесс налаживания этнических и политических связей. Собственно социокультурное оформление начинается уже на следующей стадии. Земледельческие области долго были оазисами среди тайги, болот, степей и гор, но постепенно создавалась такая ситуация, когда уже кочевые районы оказались замкнутым пространством. Но степи бескрайни, всегда текут как реки среди гор и долин, и скотоводство требует постоянной динамики и широкого пространства, ибо земля быстро истощается, а ее культивировать искусственно невозможно. Это приводит к осложнению отношений кочевников и оседлых жителей, а в итоге и к третьей стадии, когда кочевники пытаются выйти за пределы тех загонов, в которых оказались.

Эти три стадии развития (а не три варианта империй) кочевой империи представлены в Восточной Азии хуннусской, киданьской, чжурчжэньской и монгольской империями.

Именно история киданьского государства как типичной кочевой империи [Пиков, 2002а; 2002б; 2003; 2005] в определенном смысле есть апогей развития кочевой традиции на востоке Азии, когда бывшие кочевники максимально отказываются от тактики набегов и грабежей и пытаются построить свой мир. Но эта модель принципиально отличается от китайской или римской как раз тем, что здесь в качестве периферии выступают не номады или только кочевники, но и оседлые китайцы. Опыт

киданей в той или иной мере будет изучаться всеми последующими завоевателями Китая, но там этнополитическая ситуация будет отличаться от киданьской. Ляо – своего рода идеальное государство, и ему подражали, но безуспешно, ибо консенсус с оседлыми мирами уже недостижим. Если кидани начинали создавать баланс кочевых и оседлых районов, лавируя между ними, то чжурчжэни и монголы в большей степени склонялись к их иерархии и в результате в «угнетении» оказывались, прежде всего, оседлые народы. Ляо смогло просуществовать более двух столетий, что само по себе стало рекордом в истории Восточной Азии.

Империя как форма организации пространства характерна для периода господства сельскохозяйственной экономики, с переходом на индустриальный уровень она уступает место национальному государству. Раньше всего это произошло в Европе, на востоке Азии задержалось по разного рода причинам до XX в. Опыт изучения истории кочевых сообществ позволяет уверенно говорить о многовариантности развития человечества.

Список литературы

Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи) / Пер. с кит., введение, коммент. и прилож. В. С. Таскина. М.: Наука, 1979. 572 с.

Пиков Г. Г. Исторические термины и историческая действительность (империя как феномен европейской истории) // Гумани-

тарное образование в Сибири. Новосибирск, 2000. С. 103–121.

Пиков Г. Г. Киданьское государство Ляо как кочевая империя // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002а. С. 190–203.

Пиков Г. Г. Специфика кочевой империи (на примере киданьского государства Ляо) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2002б. Т. 1, вып. 2: Востоковедение. С. 18–30.

Пиков Г. Г. Специфика государственного устройства киданьских государств (Ляо и Си Ляо) // История и социология государства. Новосибирск, 2003. С. 67–113.

Пиков Г. Г. О специфике изучения средневековых культур (на материале культуры киданей) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2005. Т. 4, вып. 1: История. С. 57–58.

Пиков Г. Г. Из истории названия «Китай» // Чингисхан и судьбы народов Евразии. Материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 2007а. С. 111–123.

Пиков Г. Г. Между Западом и Востоком. Судьба киданьского анклава в Средней Азии // Медиевистика XXI века: проблемы методологии и преподавания. Кемерово, 2007б. Вып. 3: Запад и Восток: власть, социум, ментальность, особенности исторического развития. С. 218–254.

Сулейменов О. АЗ и Я. Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата, 1975.

Материал поступил в редколлегию 01.04.2012

G. G. Píkov

THE NOMADIC EMPIRE AS EURASIAN HISTORICAL PHENOMENON

Article concerns history of the nomadic empires which have played an appreciable role in political and ethnic history of Eurasia. The nomadic empire is defined as an Eurasian phenomenon. The proximity of a design, functions and destiny of the nomadic empire is shown to the classical empires existing in a zone of accommodation of the settled people. Diversity of development of mankind is ascertained on this example.

Keywords: empire, nomadic empire, slavery.